

Работаешь больше – получаешь меньше

Мишель Юссон

http://scepсis.ru/library/id_1485.html

Опубликовано в Le Monde diplomatique (русское издание), №4, 2007.

По данным обследований, в парижском регионе каждый третий бомж имеет работу [1]. Эти шокирующие цифры свидетельствуют о новом явлении – работающих бедных. И Франция здесь не одинока: в среднем по Европе низкую заработную плату получает каждый из шести наемных работников [2]. Таков результат процесса, начатого четверть века тому назад.

Рост числа низкооплачиваемых работников неразрывно связан с изменяющимся распределением добавленной стоимости. Если в 1960-е и 1970-е годы в Европе доля заработной платы в ВВП составляла почти 75 процентов, то с начала 1980-х ее удельный вес постоянно сокращался и в 2006 году достиг 66,2 процента [3].

Эта тенденция свидетельствует о глубинном сдвиге: вплоть до кризиса середины 1970-х годов покупательная способность зарплат коррелировала с производительностью труда, доля заработной платы в ВВП оставалась стабильной, а неравенство в оплате труда постепенно сокращалось. Под давлением безработицы такая связь стала исчезать. Одновременно возникли различные формы временной занятости, не гарантирующей высоких заработков. В 2003 году во Франции зарплата составляла лишь 53 процента всех доходов домохозяйств против 67 процентов в 1978 году, в то время как доля наемных работников в трудоспособном населении выросла с 83,6 до 91,4 процента.

«Поступательное уменьшение неравенства в оплате труда закончилось в середине 1980-х годов, – отмечает экономист Пьер Кончиальди, – и во второй их половине раскрылись «ножницы зарплат» [4]. Менее чем за двадцать лет, с 1983 по 2001 год, доля низкооплачиваемых работников выросла с 11,4 до 16,6 процента совокупной занятости. Схожая тенденция наблюдается на общеевропейском уровне. Хотя в 1990-е годы произошла относительная стабилизация уровня неравенства в оплате труда, это обеспечивалось за счет сегмента высокооплачиваемых работников, а используемые индикаторы еще не позволяли зафиксировать распространение низкооплачиваемых гибких форм занятости. В 1996 году доля лиц, получавших низкие заработки, достигла в среднем по Европе 15 процентов [5]: от 6 процентов в Португалии до 21 процента в Великобритании, в то время как показатель по Франции был чуть ниже среднего. Более свежих статистических данных нет, что свидетельствует о слабом интересе к данному вопросу.

В соответствии с либеральной логикой, неравенство в оплате труда объясняется, а то и оправдывается, разницей в квалификации работников, отражающей уровень их производительности. Считается, что даже преследующая самые благие цели политика выравнивания доходов не может не привести к безработице. Эта псевдорациональность, приравнивающая труд к любому иному товару, составляет фундамент доминирующей экономической доктрины и социальной философии, легитимирующей неравенство во имя эффективности.

Однако эта гипотеза не подтверждается фактами. Сравнительные исследования по разным странам показывают, что за исключением англосаксонских стран, нигде не просматривается корреляции между разницей в квалификации и разрывом в оплате труда. Точно так же не наблюдается зависимости между неравенством доходов и уровнем безработицы: «Сжатие шкалы зарплат – не главный фактор, порождающий проблему занятости в Европе», – отмечают Дэвид Хауэлл и Фридрих Юблер [6]. Даже Организация экономического сотрудничества и развития признает, что «ей не удается подсчитать количество рабочих мест, потерянных вследствие высокого уровня минимальной заработной платы в разных странах: некоторые исследования показывают существенные взаимосвязи, а другие не обнаруживают их вовсе» [7]. А это значит, что нет универсальных экономических законов, определяющих оптимальный раствор «ножниц зарплат». Есть только разные социальные модели, в которых «справедливой» оплате труда придается неодинаковое значение.

Факторами неравенства зарплат являются одновременно почасовая ставка и продолжительность рабочего времени, которые неодинаково сочетаются в разных странах. Так, в Великобритании низкооплачиваемых работников относительно больше, чем в среднем по Европе, а в Нидерландах – относительно меньше. Однако в обоих государствах весьма распространены временные трудовые контракты и касаются они значительного числа работников – поэтому в итоге доля низких зарплат здесь выше средневропейской. Этот пример показывает, что путь к пересмотру оплаты труда лежит также через борьбу против неполной и, шире, гибкой занятости. В любой стране риск получать низкую зарплату выше у работников, принятых на работу на ограниченный трудовым договором срок.

Эта проблема была особо выделена в последнем докладе Совета по вопросам занятости, доходов и социальной солидарности [8]. Беря за точку отсчета годовой заработок (а не только почасовую ставку), его авторы уточняют: «Главным фактором неравенства является среднегодовая продолжительность рабочего времени», которая в свою очередь зависит от типа трудового договора и числа отработанных недель. Низкооплачиваемыми являются в первую очередь временные рабочие места – а во Франции таких много.

Рынок труда имеет тенденцию к воспроизводству низкооплачиваемых рабочих мест. Это показал недавний официальный прогноз развития этого рынка на 2005–2015 годы [9]. Ожидается, что более четверти (400 тысяч) новых рабочих мест будут созданы в секторе частных и социальных услуг (помощь престарелым или недееспособным, уход за детьми и так далее). 80 тысяч работников пополнят ряды домашней прислуги. Кое-кто рассматривает распространение этого типа занятости в качестве элегантного решения проблемы безработицы. По мнению Мишель Дебонней, советницы министра занятости, жилья и социального обеспечения, если «каждая французская семья будет пользоваться такими услугами в среднем три часа в неделю, то этого будет достаточно для создания двух миллионов рабочих мест» [10].

Эта тенденция не нова: в период между 1990-м и 2002 годами численность нянь и домашней прислуги выросла более чем на 80 процентов. Чаще всего это женщины, не имеющие официально признанной профессиональной квалификацией и, как правило, занятые неполный рабочий день. Их «месячная зарплата в девяти случаях из десяти не превышает 1,3 официального минимума для полной ставки» (SMIC) [11]. Эта категория рабочих мест является, таким образом, источником низких заработков. К примеру, минимальная почасовая ставка няни составляет 2,32 евро чистыми.

Еще 20 лет назад Андре Горц выступил с фундаментальной критикой создания плохо оплачиваемых рабочих мест в «параллельном секторе услуг» вместо развития системы социальных услуг. «Речь больше не идет о том, чтобы социализировать работу по дому с тем,

чтобы она поглощала меньше времени в масштабах общества; напротив, она вовлекает все большее число людей и поглощает все больше рабочего времени, на сей раз – в виде платных услуг. Таким образом, распространение услуг частным лицам возможно лишь в контексте возрастающего общественного неравенства, когда часть населения занимает хорошо оплачиваемые места и вынуждает другую часть выполнять роль прислуги» [12].

При решении проблемы низкой оплаты труда акцент делается на разнице между заработной платой, получаемой работником, и ценой его найма для работодателя (так называемом «налоговом клине»). Чтобы примирить требования достойного заработка и конкурентоспособной стоимости рабочей силы, Еврокомиссия и ОЭСР выступили за снижение обязательных отчислений на социальные нужды, особенно для категории наименее квалифицированных работников, и за введение «предохранительных сеток» по образцу надбавки за возвращение к трудовой деятельности. Наиболее скрупулезно эти рецепты были применены во Франции. Начиная с 1993 года здесь последовательно снижались обязательные отчисления с низких зарплат, и в настоящее время сегодня нижний порог составляет 1,6 (SMIC).

Если степень влияния этих мер на занятость небесспорна, то их последствия для шкалы зарплат можно выяснить без труда. Главным стало расширение сегмента низких заработков: доля зарплат, не превышающих 1,3 SMIC, увеличилась с 30 процентов в начале 1990-х годов до 39 процентов в 2002-м. В начале 1990-х годов повышение SMIC затрагивало 8–9, а в 2005 году – уже 17 процентов работников [13]. В то же время эти повышения в меньшей степени, чем раньше, служат увеличению остальных ставок и нередко замедляют общий рост заработной платы в масштабах предприятия. Помимо этого политика уменьшения обязательных отчислений способствовала формированию устойчивого массива низкооплачиваемых работников.

Либералы утверждают, что повышение минимальной оплаты труда является не самым адекватным средством борьбы с бедностью, поскольку низкооплачиваемый труд и бедность не всегда совпадают. По официальному определению, низкооплачиваемый работник не считается бедняком, если он является членом домохозяйства, совокупные доходы которого превышают порог бедности. 19 процентов работоспособного населения имеют заработок ниже 75 процентов минимальной оплаты труда, но лишь четвертая часть этих людей признана бедняками [14]. Как отмечает Пьер Кончиальди, «если большую часть работающих бедных составляют мужчины (более 60 процентов), то большинство низкооплачиваемых работников – это женщины (около 80 процентов)» [15]. Однако насколько уместно при определении бедности брать за точку отсчета «домохозяйство»? В таком случае возрастает риск «приуменьшить значение дискриминации женщин на рынке труда» [16] и увековечить представление о зарплате супруги как «довеске», забывая о положении одиноких женщин, работающих неполный день.

Подобное неравенство, судя по всему, не очень беспокоит либералов, которые предлагают компенсировать низкие зарплаты адресными социальными выплатами или мерами, подобными применяющейся во Франции «надбавке за возвращение к работе» (она выплачивается лицам, вернувшимся в профессиональную жизнь, если их зарплата ниже определенного уровня).

Фактически эти меры увековечивают низкие зарплаты. Снижение социальных отчислений с них способствует «проседанию» всей лестницы зарплат. Хотя ставилась задача помочь самым нуждающимся, происходит общее ухудшение ситуации с оплатой труда.

То же самое относится и к идее гибкого рынка труда: «Статистические данные недвусмысленно указывают на то, что по мере удаления от сферы постоянной занятости и приближения к зонам гибкой и временной занятости или чередования безработицы, занятости и бездеятельности, закономерно возрастает риск бедности» [17]. Совет по вопросам занятости, доходов и социальной солидарности не делает открытия, отмечая, что «главным заслоном против бедности служат качественные рабочие места».

Чтобы переломить такую тенденцию, следовало бы укрепить статус бессрочных договоров и ограничить применение различных видов временных трудовых контрактов. Повышение низких зарплат, вне зависимости от пола работника и состава его семьи, является единственным средством искоренить истоки бедности. Гарантия достойной заработной платы – лучший способ добиться того, чтобы работа приносила доход.

Важным этапом на этом пути могло бы стать установление общеевропейского минимума оплаты труда. После того, как такой минимум был введен в Великобритании (1999 год) и Ирландии (2000-й), дискуссия о минимальной заработной плате началась в ФРГ, Австрии и даже Швейцарии [18]. Присоединение к Европейскому Союзу стран, в которых уровень зарплат намного ниже средневропейского, делает такое обсуждение неизбежным. Происходящий сегодня пересмотр минимумов оплаты труда в некоторых из этих государств способствует выравниванию заработной платы. Но эти изменения можно ускорить введением общеевропейской системы минимумов.

Принимая в расчет различия между странами ЕС, не представляется возможным установить единый для всех уровень. Однако можно предложить некую общую норму, адаптированную к реалиям каждой страны. Например, минимальный размер зарплаты может быть установлен, как во Франции, на уровне 60 процентов от ее медианного значения [19]. В этом вопросе Германия занимает центральное место, поскольку идея минимальной оплаты труда стала здесь реакцией на те социальные проблемы, которые проявились при реформировании рынка труда в 1995–2000 годах: за этот период доля низкооплачиваемых работников возросла с 14,3 до 15,7 процента, достигнув уровня Франции [20]. Если немцы введут минимальный размер оплаты труда, встанет вопрос о его применении по всей Европе. Минимальная заработная плата могла бы оказаться «для социальной сферы тем же, чем является евро для сферы денежного обращения» [21].

Действительно, разве не стало бы самым простым способом защитить «ценность труда», о которой так много говорится в последнее время, подняв зарплаты, и прежде всего – самые низкие среди них? На это возражают, что подобная мера привела бы к росту безработицы. Наши товары потеряют конкурентоспособность, станет невыгодным нанимать работников с низкой квалификацией, поскольку они будут обходиться предприятиям больше, чем способны произвести. Однако факты показывают, что такая аргументация безосновательна: больше всего новых рабочих мест создается отнюдь не в тех странах, для которых характерны «умеренные» зарплаты. Облегчение бремени социальных отчислений также не приводит к повышению занятости. В этом смысле немало пищи для размышлений дает негативный опыт Германии: замораживание там зарплат значительно активизировало экспорт, но в то же время воспрепятствовало росту внутреннего потребительского рынка. Из этих двух последствий перевесило второе, и конечным результатом стало увеличение уровня безработицы на три пункта за период с 1995-го по 2005 год.

Либеральная доктрина основывается на двух сомнительных постулатах. Первый касается общеевропейской конкуренции. Ограничение роста зарплат в одной стране может позволить ей завоевать дополнительные рынки в ущерб соседям. Однако если такой политике

последуют все страны, то распространение этой лжеидеи приведет к ослаблению динамики занятости. Именно это и происходит в Европейском Союзе.

Второй постулат состоит в том, что не следует вмешиваться в распределение доходов. Но ведь дивиденды являются таким же элементом ценообразования, как и зарплаты: повышение последних может быть компенсировано уменьшением прибыли, выплачиваемой собственникам компании, и тогда не повлияет на конкурентоспособность. Альтернативная, более справедливая социальная политика возможна при условии, что она будет скоординирована на общеевропейском уровне и сопровождаться перетеканием финансовых доходов в фонд заработной платы – в противоположность тому, что мы наблюдаем в последние два десятилетия.

Сомнителен и привычный призыв дольше работать, чтобы больше зарабатывать. Увеличение продолжительности рабочего времени вступает в противоречие с задачей создания новых рабочих мест и само по себе не может породить потребности в новой рабочей силе, если распределение доходов остается неизменным. Многие коллективные трудовые соглашения на уровне предприятий, заключение которых вошло в моду в последние годы, свидетельствуют, что такой «свободой выбора» на деле прикрывается уменьшение, а не увеличение почасовой оплаты. Подобный ответ на «давление со стороны ‘третьего мира’» заведет Европу в тупик. Подстраивание под уровень зарплат в развивающихся странах в погоне за конкурентоспособностью потребует такого их понижения, что европейская экономика попросту зачахнет.

Таким образом, озвученное Николя Саркози и Франсуа Байру предложение о введении дополнительных рабочих часов, освобожденных от социальных отчислений, приведет к уничтожению понятия законодательно установленной продолжительности рабочего времени и дальнейшему сокращению отчислений на социальное страхование.

Неравенство в оплате труда во Франции

В 2002 году половина наемных работников (не считая государственных служащих) получала менее 1220 евро в месяц за вычетом налогов. Эта цифра соответствует медианному значению заработной платы.

Медиана заработной платы мужчин равнялась 1360 евро в месяц, женщин - 1054 евро; то есть разница составляла 22,5 процента.

Треть работников получали меньше месячной ставки SMIC (936 евро). 10 процентов работников получали меньше 182 евро в месяц. 20 процентов - меньше 512 евро. 30 процентов - меньше 869 евро. 40 процентов - меньше 1064 евро.

Оплата труда во Франции близка к показателям стран со сравнимым уровнем развития. В 2005 году во французской промышленности она была несколько ниже, чем в Великобритании (на 4 процента) и Бельгии (на 2 процента), но выше, чем в Нидерландах (на 2 процента) и ФРГ (на 4 процента).

Источники: Conseil de Temple, des revenus et de la cohesion sociale, La France en transition, 1993-2005, Paris: La Documentation française, 2006; Eurostat.

1. Brigitte Debras, H el ene Chambor edon, Patrick Thiery. «Dans l'agglom eration parisienne, un sans-domicile sur trois d clare avoir un emploi» в: INSEE  le de France   la page, № 241, сентябрь 2004 года (см.: http://www.insee.fr/lr/region/rfc/fidoc_frame.asp?ref id=8302&doc id=8088).
2. Низкой считается заработная плата, составляющая менее 60 процентов медианной (медианная зарплата - статистический показатель, характеризующий такое значение зарплаты, которое находится посередине «полосы рассеяния», то есть 50 процентов работников получают меньше, а другие 50 процентов - больше медианного уровня. - Прим. ред.).
3. Эта доля вычисляется путем соотнесения средней заработной платы с ВВП на душу населения. См.: Commission europ enne. L'Economie europ enne, Bruxelles, осень 2006 года.
4. Pierre Concialdi. «Bas salaires et «travailleurs pauvres» в: Les cahiers fran ais, № 304, Paris: La Documentation fran aise, 2001.
5. См.: Eric Marlier, Sophie Ponthieux. «Les bas salaires dans les pays de l'Union europ enne» в: Statistiques en bref, Bruxelles: Eurostat, 2000. Приводимые данные касались 13 из 15 тогдашних членов Евросоюза (без Швеции и Финляндии) и не учитывали лиц, работавших менее 15 часов в неделю.
6. См.: David Howell, Friedrich Huebler. «Trends in Earnings Inequality and Unemployment Across the OECD» в: Working Paper ¹ 23, New York: Center for Economic Policy Analysis (CEPA), май 2001 года.
7. OCDE. Perspectives de l'emploi, Paris, 2006.
8. См.: CERC. La France en transition 1993-2005, Paris: La Documentation fran aise, 2006.
9. См.: Les m tiers en 2015, Paris: Direction de l'animation de la recherche, des  tudes et des statistiques du minist re du travail (DARES), январь 2007 года.
10. Mich le Debonneuil. «Deux millions d'emplois qui d pendent de nous» в: Le Monde, 16 февраля 2006 года.
11. См.: Bertrand Lhommeau «Trajectoires pass es par un emploi   bas salaire» в: Document d' tude ? 78, Paris: DARES, 2003. SMIC равняется 8,27 евро в час без вычетов, или 1254,28 евро в месяц (при 151,67 часа рабочего времени) и 985,11 евро чистыми.
12. Andr  Gorz, M tamorphoses du travail. Qu te du sens, Paris: Galil e, 1988.
13. См.: Malik Koubi, Bertrand Lhommeau. «La revalorisation du SMIC et ses effets de diffusion dans l' chelle des salaires sur la p riode 2000-2005» в: Premieres Synth ses, 27.1, Paris: DARES, июль 2006 года.
14. См.: Nadine Laib. «Situation sur le march  du travail et pauvret  mon taire» в: Etudes et r sultats, 499, Paris: Direction de la recherche, des  tudes, de l' valuation et des statistiques (DREES), 2006.
15. См.: Pierre Concialdi. Bas salaires et «travailleurs pauvres».
16. Margaret Maruani. «Les 'working poor', version fran aise» в: Probl mes  conomiques, 2833, Paris, 2003.
17. См.: CERC. La France en transition 1993-2005.
18. См.: Chronique internationale de l'IRES, 103 (2006).
19. См.: Thorsten Schulten, Andreas Rieger, Michel Husson. Th ses pour une politique europ enne de salaires minimaux, D sseldorf, Paris, Z rich, 2005.
20. См.: Odile Chagny. «Les r formes du march  du travail en Allemagne» в: La Revue de l'IRES, 48, 2005.
21. «Le salaire minimum europ en: un projet r alisable?» в: Questions d'Europe, 43, Paris, 2006.